

Эрик Каплан



От
продюсера
«Теории
Большого
взрыва»

Санта
действительно
существует?



Философское

Эрик Каплан
Санта действительно существует?
Философское расследование

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14128009

*Санта действительно существует? Философское расследование / Эрик Каплан: Манн, Иванов
и Фербер; Москва; 2016
ISBN 978-5-00057-703-5*

Аннотация

Существует ли Санта на самом деле? Что этот вопрос вообще значит – и значит ли он что-то персонально для вас?

Эрик Каплан решил серьезно исследовать этот несерьезный вопрос – и в поисках ответа он проводит читателя через философию, науку, мистицизм, мораль, мифологию, логику, этику и психологию.

Получилась очень интересная книга по философии, совсем непохожая на те классические труды и учебники, что можно найти в библиотеке вашего дедушки.

На русском языке публикуется впервые.

Содержание

Примечание для читателя	5
Введение	6
Мой сын, мать его друга и два объяснения	6
Объяснение через ложь	6
Объяснение через безумие	7
Часть I	12
Глава 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Эрик Каплан

Санта действительно существует?

Философское расследование

Eric Kaplan

Does Santa exist?

A philosophical investigation

Издано с разрешения Penguin Book Ltd. и литературного агентства Andrew Nurnberg

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Вегас-Лекс»

© All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.
This edition is published by arrangement with Dutton, a member of Penguin Group (USA) LLC,
a Penguin Random House Company

© Перевод, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер»,
2016

* * *

Примечание для читателя

У этой книги есть целых три названия, которые обращаются к трем разным аудиториям, но, к счастью, в письменном виде они выглядят совершенно одинаково, а именно: «Санта действительно существует?»

Первый заголовок, в котором все три слова более-менее равнозначны по важности, предназначен для тех, кто хочет порассуждать, существует или нет добродушный бородач, раздающий подарки. Во втором названии акцент сделан на слове «существует». Оно может соблазнить читателей, которые интересуются, допустимо ли назвать то, что делает Санта (если он что-то делает), в онтологическом смысле «существованием». Иначе говоря, их интересует скорее не сам Санта, а концепция бытия. Третий заголовок можно воспринимать как окончание коротенького диалога об отношениях между наукой и верой:

Наука: «Если что-то не является частью научного дискурса, это еще не значит, что оно не существует».

Вера: «Правда? Санта действительно существует?»

Читатели, привлеченные этим названием, произносят вопрос так, как будто он доводит до абсурда предположение, что за горизонтом науки что-то существует. Больше всего их интересует в этой книге – если интересует вообще что-то – рассуждение о том, допустимо ли доказательство от абсурдного.

Эрик Каплан

Введение

Мой сын, мать его друга и два объяснения

Проблема онтологии Санта-Клауса не волновала меня до тех пор, пока мой сын Ари не пошел в детский сад. Мальчик не верил в Санту. Однажды в начале декабря он решил сходить в зоопарк со своим другом Шайлером, но Тэмми, мама Шайлера, позвонила мне и сказала, что не хочет, чтобы ее сын шел с моим. В зоопарке среди прочих животных содержались олени, и она боялась, что дело может закончиться обсуждением Санта-Клауса. Шайлер верил в Санту – он был милым ребенком, еще не достигшим мрачного и мятежного подросткового возраста, и Тэмми хотела, чтобы он оставался таким еще хоть какое-то время. Так что она отменила ту встречу, чтобы Ари не сказал ее сыну: «Нет никакого Санты, это все твои родители» и тем самым не пошатнул его веру.

Я считал подобное решение немного странным, поскольку, по моему мнению, Тэмми была готова пожертвовать дружбой своего сына с Ари, существующим в реальности, ради сохранения его отношений с Санта-Клаусом, которого нет.

Но почему я настолько был убежден, что его нет? Не потому, что я ни разу его не видел – я никогда не видел израильскую супермодель Бар Рафаэли, но она существует или, по крайней мере, существовала на момент написания этих строк. И не потому, что, даже если бы я отправился к Санте на Северный полюс, я не нашел бы ни его самого, ни эльфов – поскольку факту их отсутствия можно найти множество объяснений: например, что борода Санты создает особое поле, делающее его незаметным для людей, или что у эльфов есть особое устройство, преломляющее лучи света, или же что наша встреча все-таки состоялась, но миссис Клаус уговорила меня сделать операцию на мозге, и эти воспоминания оказались начисто стерты из моей памяти. Нет, я уверен, реальная причина заключается в том, что никто никогда не убеждал меня в существовании Санты, а вера в него не сочетается с другими фактами, которые, как мне известно, являются правдой: олени не умеют летать, игрушки покупают в магазинах и т. д.

Я рассказал эту историю дочери, и она ответила: «А я верю в Санту». Тогда я спросил, верит ли она в Пасхального Кролика, и она сказала: «Да. Я же ребенок, поэтому я верю во все».

Поделившись своими соображениями с женой, психологом по образованию, которая воспитывалась в коммунистической Румынии, я услышал что-то наподобие: «Американцы говорят своим детям неправду о подобных вещах, а потом дети вырастают и понимают, что родители им ввали. Ничего удивительного, что юные американцы такие ненормальные».

Я до сих пор озадачен поведением Тэмми, но мне удалось придумать два возможных объяснения.

Объяснение через ложь

В прошлом по какой-то причине американских детей приучали верить в Санта-Клауса: возможно, родители считали, что это отличный способ припугнуть своих чад и заставить их хорошо себя вести. Повзрослев, дети перестали верить в Санту, но решили, что было бы неплохо убедить уже собственных детей поверить в него. Так общество разделилось на две группы: тех, кто обманывает, и тех, кого обманывают. При этом мотивы у лжецов могут быть самыми разными: от доброжелательных (главным образом у родителей) до эгоистичных (у продавцов рождественских товаров и американских политиков, желающих объединить

страну иммигрантов с помощью национального мифа). Давайте будем откровенны и назовем это объяснением через *ложь*.

Я лично наблюдал, что объяснение через ложь вполне функционально. Я работаю в Голливуде, накачивающем земной шар образами и сюжетами. Когда мы писали сценарий одного из эпизодов сериала «Теория Большого взрыва», в котором персонаж по имени Шелдон убивает Санта-Клауса в игре Dungeons & Dragons, один из сценаристов пожелал оставить вопрос о существовании Санты открытым, поскольку сериал смотрели его дети, которые верили в добродушного рождественского деда. Разумеется, поскольку этот человек был сценаристом американского ситкома, финансируемого за счет рекламы, его доброжелательные мотивы для лжи смешались с менее доброжелательными мотивами рекламщиков.

Объяснение через безумие

Другое решение загадки заключается в том, что в разуме Тэмми что-то оказалось разделено или не связано между собой. Согласно этой гипотезе, часть разума Тэмми верит в Санту. Она молчит об этом, разговаривая с другими взрослыми, но верит в него, оставаясь наедине с детьми. Не исключено, что та часть Тэмми, которая верит в Санту, лишена права голоса – она может ни разу не заявить о себе, но при этом обладать мечтами, фантазиями и эмоциями по отношению к святому Николаю. В результате ей становится неприятно от мысли, что ее сын утратит веру в Санта-Клауса, потому что какая-то часть ее мозга тоже в него верит.

Как один человек способен одновременно верить и не верить в Санта-Клауса? Если вы – убежденный сторонник теории заговора, вы можете считать, что даже если Тэмми когда-нибудь признается в том, что верит в Санту, она соврет. В конце концов она ведь покупает игрушки в магазине – как она может думать, что они попадают в дом через дымоход?

Однако люди верят в разные вещи в разное время в разных контекстах. Давайте представим, что Тэмми приходит домой и ложится спать. Засыпая, она слышит голос в своей голове, похожий на ее собственный. Он говорит: «Санта существует. Я помню, как ждала его появления. Откуда мне знать, что его нет? Да, часть меня полагает, что он не пришел и никогда не придет, но почему я должна слушать именно эту часть?»

В ее разуме находятся две разные Тэмми. Одна из них – та, которая раньше верила в Санту, а теперь покупает игрушки в магазине, а вторая – Тэмми, которая до сих пор верит в Санту. Последней нравится думать о Санте, и она злится, когда ей кажется, что Ари в него не верит. Эта Тэмми без проблем реагирует на изображения Санты, на телевизионные передачи и песни про него.

«Я» Тэмми способно разделяться. В ней может быть одновременно несколько Тэмми. Один голос в ее голове утверждает: «Ну конечно же, никакого Санты нет», в то время как другой восклицает: «Надеюсь, он подарит мне что-то хорошее!» Ее «я» также способно разделяться по *времени*. То есть Тэмми может смеяться при одной мысли о Санте вплоть до Рождества, а затем в Рождество говорить так, будто она верит в веселого старого святого.

Поскольку эта версия связана с голосами в голове, мы беспощадно назовем ее объяснением через *безумие*.

Объяснения через ложь и через безумие в глубине схожи между собой, поскольку ложь подразумевает диссоциацию на межличностном уровне, а безумие – на внутриличностном. Общества, основанные на лжи, безумны, а безумцы лгут сами себе.

Объяснение через безумие подразумевает некое разъединение внутри Тэмми на части: ту, которая верит, и ту, которая не верит. Объяснение через ложь подразумевает разъединение внутри Америки на аналогичные части. И в обоих случаях в отношениях между этими частями что-то, мягко говоря, не в порядке. Объяснения можно даже поменять местами, сказав, что Тэмми лжет сама себе, а Америка слегка свихнулась по поводу Санта-Клауса.

Верно ли объяснение через безумие или объяснение через ложь?

Варианты каждого из них можно найти в рационалистической критике религии и в научных наблюдениях за человеческим поведением в целом. Вот несколько примеров.

- Марксизм (ложь): священники обманывают людей, рассказывая им о райских кущах на небесах, чтобы сохранить обладающих властью на их месте.

- Психоделицизм (безумие): разум создает иррациональные убеждения, чтобы защититься от психологического давления, вызванного боязнью смерти или желанием спать с собственной матерью.

- Нейробиология (безумие): в человеческом мозге выработалась система, позволяющая воспринимать людей как живых существ, поскольку с точки зрения эволюции было очень важно понимать, что в твоей пещере кроме тебя находится кто-то еще. И мы считаем, что Санта существует, из-за участка нервной ткани, подающего ненужный сигнал, – подобно тому как возникает сенная лихорадка, когда чихательный рефлекс срабатывает в ненужный момент под воздействием некоего антигена.

- Теория мемов (ложь по причине безумия): мемы – программы культурной ДНК, воспроизводимые тогда и только тогда, когда они заставляют нас верить в них и распространять их.

В подобного рода дискуссиях мы ожидаем, что наши убеждения подвергнутся сомнению, а эксперты приведут какие-нибудь научные данные. Однако наука не может сказать, почему мы должны руководствоваться ею при восприятии реальности. Некоторые ученые и философы не согласятся с этим утверждением, заявив, что, конечно же, наука говорит нам, как воспринимать нашу жизнь и остальную реальность, – а именно с точки зрения научного подхода. Но подобные заявления представляют собой научную публицистику или популяризацию науки, а не ее саму.

Наука не говорит нам, что мы должны о ней думать. Для примера возьмем любое из представленных выше объяснений – марксистское, психоаналитическое, нейробиологическое или меметическое – и применим по отношению к ним самим. Так, марксисты верят в марксизм только потому, что это в их классовых интересах; психоаналитики верят в психоанализ для защиты от раздражающих факторов; нейробиологи верят в нейробиологию, потому что в ходе эволюции мозг научился искать причинно-следственные связи; а сторонники теории мемов верят в нее, потому что мемплекс «теория мемов» проник в их разум и заставил воспроизводить себя. Все эти теории объясняют себя в той же степени, в какой они объясняют Санту. А то, как рассматривать данные теории или как рассматривать Санту, принимая во внимание вышесказанное, уже не является научным вопросом.

Роль интеллектуальной теории сравнима с ролью денег. Вы можете прочитать в учебниках по экономике или финансам, что нужно сделать, чтобы много заработать, но они не расскажут вам, как определить важность денег в нашей жизни. По поводу этого вопроса можно вести споры, сравнивать точки зрения и принимать различные решения – от полного подчинения своей жизни финансовой выгоде до игнорирования денег и превращения в странствующего хиппи; впрочем, можно вести образ жизни, находящийся где-то между крайностями. Подобное положение дел мы наблюдаем и в науке: мы или полностью принимаем ее, или игнорируем, или располагаемся посередине между двумя предыдущими вариантами.

Вы можете счесть очевидным, что если Тэмми утверждает, будто верит в Санту, то она либо безумна, либо лжет, и аргументировать свою точку зрения тем, что безумные люди не знают о своей ненормальности, а лжецы, как правило, врут, заявляя, что они не лжецы. Но с данным подходом связаны две проблемы – этическая и эпистемологическая.

- Этическая проблема: оскорблять родителей друзей твоего ребенка, называя их сумасшедшими и лжецами, – грубо и некрасиво. Тэмми не производит впечатления лжеца: по видимому, она действует из лучших побуждений, руководствуясь заботой о сыне.

- Эпистемологическая проблема отражена в старой шутке, в которой один англиканский священник объясняет другому значение ортодоксальности: «Моя “докси”¹ ортодоксальна, твоя – неортодоксальна».

Смысл последней шутки заключается в том, что понятия «здравомыслящий» и «честный» должны определяться таким образом, чтобы мы могли сказать, кто безумец, а кто лжец, не примешивая наши собственные взгляды. В противном случае утверждать «Ты безумен, потому что ты веришь в Санту» будет сродни попыткам сказать «Санты не существует» как-нибудь поглубже – в форме личного оскорбления, замаскированного под психологическое объяснение.

Если мы предполагаем, что Санты нет, мы можем сказать, что Тэмми безумна, но мы не имеем права использовать факт ее безумия для опровержения существования Санты. Не исключено, что имеется более простой способ доказать, что Санты нет. Если мы хотим узнать, есть ли Санта-Клаус, почему бы нам не поискать объект, соотносящийся с нашими убеждениями? Но как представления «соотносятся» с объектом? Идет ли речь о ясной идее или о расплывчатой метафоре, слишком неоднозначной, чтобы можно было четко понять, что существует, а чего нет? Давайте рассмотрим следующий мысленный эксперимент.

Вообразим себе поле, настолько большое, что на нем можно провести самую крупную переключку в истории. Из нашей черепной коробки, выходят, держась за руки, все наши представления и становятся в один конец поля. С другой стороны располагаются все объекты. Представления, одно за другим, называют себя. Когда наша вера в Африку кричит: «Я – представление об Африке», реальный объект – Африка – поднимает руку, и они уходят к краю поля с табличкой «Истинные представления». «Пчелы! Я – представление о пчелах!» – «Круто! Мы – пчелы!» – и они уходят вместе. «Я – представление о планете Нептун!» – «А я и есть планета Нептун! Пойдем выпьем!» – и они удаляются вдвоем. К концу дня несколько убеждений будут одиноко стоять на своем краю поля. Они тянут руки: «Я – представление о пропавшем континенте Атлантида». В ответ – тишина с другого конца поля. Не существует пропавшей Атлантиды. «Я – представление о феях!» Нет ответа. Фей не бывает. «А я – представление о Санта-Клаусе!» Безмолвие. Санта-Клауса не существует. Вера в Санту ошибочна, потому что с ней не соотносится Санта-Клаус.

Первая проблема заключается в том, что наши убеждения не делятся на меньшие части. Как пересчитать все наши представления? Является ли моя вера в существование Африки сверхпредставлением, состоящим из представления обо всех людях, животных и странах, которые, по моему убеждению, находятся в Африке? Или она сама по себе является частью представления о том, что мир разделен на материки и острова? Или частью чего-то еще большего: представления о существовании физических объектов, примером которых может послужить Африка? Все – и ничего. Мои представления образуют сеть, или, лучше сказать, мир. И если что-то и соответствует чему-то, то это все мои убеждения (держась за руки) соотносятся со всеми фактами (держась за руки). Мой разум соотносится со всем миром в целом.

Но есть и более серьезная проблема. Когда мы представляем себе такую переключку, мы присутствуем на поле в качестве некоего арбитра, взвешивающего на убеждения с одной стороны поля и объекты – с другой. Однако, если мы смотрим на объект и видим его, это и озна-

¹ Доxy – проститутка (староангл.).

чает, что мы верим в его существование. Нельзя выйти за рамки самого себя и изучить мир и наши убеждения со стороны.

Давайте рассмотрим классический пример, иллюстрирующий эпистемологию.

Допустим, у нас в голове есть представление о яблоке. Чем же будет это яблоко внутри нашей головы? Это просто совокупность атомов либо, если хотите, нейронов и глиальных клеток, либо же орган, состоящий из префронтальной коры, мозжечка, преакведуктального серого вещества, гиппокампа и т. д.? Но ничто из этого не похоже на яблоко. И можем ли мы со стороны посмотреть одновременно и на яблоко, и на себя, воспринимающего яблоко и имеющего о нем представление? Нет. Мы находимся в рамках наших представлений и развиваем их.

Мы не в силах изучать представления и яблоки по отдельности, потому что они образуют единый феномен. Они развиваются вместе, подобно тому как совместно эволюционируют зрение пчел и цветы.

В связи с этим я хотел бы представить проблему Санта-Клауса как проблему решения внутреннего напряжения в человеческом «я» и внешнего напряжения, существующего между одним «я» и другими. Таким образом, мы можем считать, что в вере в Санту есть что-то забавное, не апеллируя к туманным понятиям соотношенности между содержанием внутренних представлений и внешней реальностью.

Эта книга посвящена вещам, относительно которых мы сомневаемся, что верим в них; а также в которые мы верим наполовину; в которые верим время от времени; в которые, как нам кажется, мы верим, но не настолько сильно, как хотелось бы; в которые мы бы охотно перестали верить, но не знаем, кем будем без такой веры. Я попробую найти подход к этим вещам – на личностном уровне и в рамках человеческого сообщества – и понять, есть ли что-то лучшее, чем кричать друг на друга (или на непокорные части самих себя) «Ты лжец!», «Ты безумец!» и т. п. Если вас устраивает Санта – прекрасно. Если же вы вдруг не верите в него (например, потому что какой-то умник вроде моего сына сказал, что его нет), выберите что-то, во что вы верите, но что при этом не является повсеместно признанным в качестве реально существующего. Я бы предложил смысл жизни – и, по сути, всего. Ваша жизнь, как и все остальное, когда-то подойдет к концу – данный факт влечет за собой вопрос: в чем заключается смысл чего угодно? Одни ответят, что смысл заключается в следовании Божьей воле, но почему тогда у Его жизни есть смысл – или же, если такового нет, почему Его бессмысленное существование должно придавать смысл нашему? Другие скажут, что смысл жизни заключается в воспроизводстве наших генов, но эта версия тоже выглядит натянутой. Предположим, что в далекой галактике есть «червоточина» и все, что попадает в нее с одной стороны, выходит с другой, будучи воспроизведенным триллион триллионов триллионов триллионов раз. Мы же не бросим все наши дела и не организуем экспедицию к этой «червоточине», чтобы забросить в нее клетку человека, даже если тем самым мы сумеем воспроизвести наши гены лучше, чем когда-либо раньше, – это просто бессмысленно. Таким образом, дубликация наших генов тоже не является в полной мере осмысленным занятием и определенно не придает смысл всему остальному.

Некоторые полагают, что смысл жизни обусловлен свободой выбора. На первый взгляд, данная идея обладает определенным мачистским шармом, но если обдумать ее пару секунд, то и в ней обнаружатся недостатки. Если я способен по собственной воле придать моей жизни смысл ровно в два часа дня, тогда я могу наделять ее другим смыслом в два часа и одну минуту. Таким образом, моя жизнь будет последовательностью актов свободной воли – но в чем заключается их смысл? Почему один смысл предпочтительнее другого? И если я наделяю смыслом всю свою жизнь, что делает этот акт наделяния смысла именно *моим*, а не просто случайным событием?

Я хочу сказать, что ни один из ответов на вопрос «В чем смысл жизни?» не является правильным или ошибочным, но каждый из них противоречив и недоказуем. Если вы подобны большинству людей, я рискну предположить, что у вас нет однозначного ответа на этот вопрос, возвышающегося над остальными, потому, каким бы ни был ваш ответ, он вполне может выступать в роли вашего личного Санта-Клауса.

Часть I Логика

Глава 1 Заголовок, который не описывает содержание дальнейшего текста

Никто из нас не может выйти из собственного тела, исследовать свои представления о мире и объективно сравнить их с реальным положением вещей. Как же нам понять, что реальность и наше мнение о ней соответствуют друг другу? Специалисты по логике говорят, что для того, чтобы стать успешным мыслителем, нужно выполнять одно минимальное требование – избегать противоречий. Например, нельзя сказать, что одна и та же вещь сразу и является А, и не является А. Фраза «Эверест – это и гора, и не гора» звучит бессмысленно. Почему? Потому что, говоря так, мы, по сути, не говорим вообще ничего. В итоге слушатель переспросит нас: «Так гора он все-таки или нет?» В данном случае происходит «противоречие» в буквальном смысле – то, что мы говорим, оборачивается против нас. Как мы могли заметить, Тэмми испытывает противоречивые чувства в отношении Санта-Клауса. Она одновременно и верит в него, и не верит. Для логического пути противоречие является препятствием, которое необходимо устранить. Поэтому в логике существует своеобразный набор инструментов для борьбы с противоречиями.

Логика зародилась примерно в VI веке до нашей эры. Судя по всему, ею одновременно начали заниматься в Греции, Китае и Индии. Неудивительно, что местом возникновения логики стали именно эти страны, а не, например, Египет или Мексика. Ведь здесь частенько случалось, что обычному земледельцу, который молился своему богу, действовал по своим законам и танцевал под свою дудку, приходилось встречаться на рынке и вести дела точно с такими же земледельцами, боги, законы и мелодии у которых были абсолютно другими. Ни одна из этих цивилизаций в тот момент еще не превратилась в монолитную империю, насадившую во всех своих концах одну религию, юриспруденцию и музыку. Потому таким разным людям приходилось искать способы взаимодействия.

Я называю логику путем, потому что мы сами выбираем ее, делая частью своей жизни, если хотим, чтобы она принесла нам пользу. Сама логика совершенно ничего от нас не требует. Можно считать ее инструментом нашего мышления, а можно – частью реальности, которая нас окружает. Но если логика – это элемент структуры окружающего мира, то она существует сама по себе. Она не раздражается, не грустит, не разочаровывается, не злится на нас за нелогичное или нерациональное поведение. Логика – это не ваша мама. Она просто существует и ждет, пока мы ею воспользуемся. Итак, либо логика представляет собой конструкт, который мы создаем для достижения собственных целей, либо она – один из аспектов реальности, который мы можем использовать, когда нам это требуется. В любом случае у логики есть цель.

Какова же она?

Аристотель, оказавший такое огромное влияние на западную (и мусульманскую) культуру мышления, что его в течение многих веков называли просто Философом, говорил, что суть логики составляет закон внутреннего противоречия. Ни один предмет не может одновременно быть А и не быть А. Цель логики состоит в том, чтобы вывести нас из неясности и переместить в состояние соответствия. Это путь от когнитивного диссо-

нанса к гармонии и ясности. Если мы четко определим свои представления, а затем путем исследования и дальнейшего объяснения удалим те из них, которые имеют внутренние противоречия, мы достигнем своей цели – стройной системы взглядов. Например, мы будем знать, что существует, а чего не существует. Мы станем самопоследовательными.

Вот пример того, как это работает.

Джордж и Эдди – друзья. Однажды Эдди совершает кражу в магазине. Продавец спрашивает Джорджа, действительно ли Эдди что-то украл. Джордж не знает, как поступить: с одной стороны, он предан своему Эдди, а с другой стороны, ему прекрасно известно, что хорошо, а что плохо.

Представим, что между Джорджем и Логиком происходит следующий диалог:

Логик: «Ну, сынок, и попал же ты в переплет».

Джордж: «Ты прав, Логик! Помоги мне!»

Логик: «Для начала давай определим, в чем состоит твоя проблема. Считаешь ли ты, что утверждение “О преступниках всегда нужно сообщать властям” верно?»

Джордж: «Конечно!»

Логик: «А выражение “Своих друзей нужно защищать” тоже верно?»

Джордж: «Разумеется!»

Логик: «Но Эдди – одновременно и твой друг, и преступник. Получается, ты считаешь оба утверждения – “Джордж должен сдать Эдди властям” и “Джордж должен защитить Эдди” – верными. Мы столкнулись с противоречием».

Джордж: «Именно так! Что же мне делать?»

Логик: «Давай точно определим понятия и проанализируем твои принципы. Что такое преступление?»

Джордж: «Нарушение закона».

Логик: «Действительно ли нужно сообщить властям обо всех преступниках? Если бы ты жил в нацистской Германии и твой друг вопреки закону укрывал бы в своем доме евреев, ты бы сдал его полиции?»

Джордж: «Нет».

Логик: «Значит, выражение “О преступниках всегда нужно сообщать властям” неверно. Ты можешь защитить своего друга, и совесть твоя при этом будет чиста. Мы разрешили противоречие!»

Джордж: «Спасибо, Логик!»

Разумеется, эта беседа пошла бы совсем по-другому, если бы Логик подвергнул сомнению утверждение «Своих друзей нужно защищать» и сослался на примеры, когда люди сообщали властям о близких, если те делали что-то плохое. Или же Логик мог углубиться в нюансы значений слова «защищать» – в некоторых случаях защита друга, совершившего преступление, состоит как раз в том, чтобы сообщить о нем куда следует. Так человек получит помощь, которая убережет его от еще большей беды. Так или иначе, оба этих рассуждения дают Джорджу возможность уйти от противоречия.

Иногда логика прекрасно помогает нам решать наши проблемы. Например, в одном из диалогов Платона софист пытается сбить с толку покупателя собаки следующим рассуждением.

1. У тебя появилась собака.
2. У собаки появились щенки.
3. Если у А появилось В, а у В появилось С, значит, у А появилось С.
4. Единственное животное, которое может иметь щенков, – это собака.
5. У тебя появились щенки (что вытекает из пунктов 1, 2 и 3).
6. Ты – собака (что вытекает из пунктов 4 и 5).

Стоит отметить, что собеседник софиста в этом диалоге – все-таки не собака, а человек². К счастью для него, в рассуждениях софиста есть логическая ошибка. Если у вас появилась собака, а у нее появились щенки, это не значит, что вы – собака. Почему?

Потому что слово «появиться» используется здесь в двух разных значениях. В первом случае оно означает «приобретение в собственность», а во втором – «рождение». Как только мы понимаем, что речь идет о двух разных концепциях, выражаемых одним словом, мы сразу же видим, что это рассуждение не имеет смысла.

Смысл выражения «появилась собака» в утверждении 1 не равнозначен смыслу выражения «появились щенки» в утверждении 2. Пускай в некоторых юридических обстоятельствах утверждение 3 и является верным, к рождению потомства оно не имеет никакого отношения.

Логика снова всех спасла.

Она может вывести нас из любого концептуального лабиринта.

Она по-настоящему крута.

Вперед, логика!

Впрочем, в некоторых случаях логика оказывается не просто бесполезна, но вредна. Даже если мы проанализируем все свои утверждения и найдем ответы на все сложные вопросы вроде «Когда допустимо предавать друга?», «Когда хорошие люди совершают преступления?» или «Что означает слово «защищать»?», у нас все равно останутся кое-какие сомнения, которые невозможно будет разрешить логическим путем. Это так называемые логические парадоксы – фразы, которые с точки зрения логики одновременно являются верными и неверными. Вот вам пример одного из них: «Это предложение неверно».

Если предложение неверно, то оно верно. Но если оно верно, значит, оно неверно! Даже если мы очистим все свои представления о мире от противоречий, прибегнув к логике, данный парадокс все равно встанет у нас на пути. Иными словами, ни один из методов, которые помогли нам решить задачу Джорджа и Эдди, в этом случае неприменим, потому что приведенное выше предложение состоит из исключительно логичных слов.

Когда логики пытаются применить свое искусство к теории множеств, возникает еще одна важная группа парадоксов, которые называются теоретико-множественными. Вот пример теоретико-множественного парадокса.

Существует множество различных типов прилагательных. Некоторые из них описывают сами себя. Например, прилагательное «русскоязычный» является русскоязычным прилагательным. Другие прилагательные не имеют такого свойства. Например, прилагательное «длинный» не описывает само себя, потому что слово «длинный» не очень длинное.

Давайте назовем прилагательные, которые описывают сами себя, «самоописательными», а все остальные прилагательные – «несамоописательными».

Примером самоописательных слов и выражений могут служить «прилагательное», «трудновыговариваемое», «многосложное» или «содержащее гласные».

Парадокс возникает, когда мы беремся за слово «несамоописательный». Является ли оно самоописательным или несамоописательным? Если оно описывает само себя, то не описывает само себя, а если оно не является самоописательным, то одновременно и является таковым. Как и в случае с парадоксом лжеца, нашему сознанию приходится метаться между двумя взаимоисключающими понятиями.

Философ Бертран Рассел³ предложил для таких парадоксов решение, которое еще называют простой теорией типов. Суть данной теории состоит в том, что если мы будем

² Это можно было понять хотя бы по тому, что собаки не участвуют в беседах.

³ Бертран Рассел (1872–1970) – британский философ, математик и общественный деятель. Один из главных основателей английского неореализма и неопозитивизма. *Прим. ред.*

правильно и очень точно подбирать слова, то никогда не попадем в ловушку парадокса. Вот как это работает.

Нельзя применять к прилагательным ту логику, которую мы только что применили к слову «самоописательный». Мы должны очень четко определить прилагательное и тип объектов, которое оно характеризует, чтобы избежать парадоксов любого рода. Например, слово «длинный» должно применяться к предметам, а не к словам. Если вам требуется слово, описывающее слова, которые описывают предметы, то такое слово должно принадлежать к другому типу прилагательных. Представьте, что у вас есть отдельная коробочка с прилагательными, которые характеризуют не предметы, а слова. Если же перед вами находится предмет и вы хотите обозначить его характеристики, то для этого вы используете прилагательные из другой коробочки, относящиеся *только* к предметам.

Если же вы хотите описать качества какого-то слова, то вы можете использовать прилагательные *только* из коробочки для характеристики слов, не трогая коробку с описаниями предметов. А если вы захотите сказать что-то о самих прилагательных, характеризующих слова? Никаких проблем! У вас есть коробка с прилагательными второго порядка – теми, что описывают прилагательные, которые описывают слова. Количество коробок в вашем распоряжении бесконечно, но Рассел составил свод правил, позволяющих ориентироваться в них и избегать парадоксов.

В простой теории типов Бертрانا Рассела вопрос «Является ли слово “самоописательный” самоописательным?» невозможен. Так как прилагательные и все другие части речи описывают разные типы прилагательных, то самоописательных прилагательных не существует. Придерживаясь этого правила, вы не будете создавать парадоксов. Это что-то вроде логической гигиены для мозга.

Логик и философ Альфред Тарский⁴ сделал примерно то же самое с парадоксом лжеца. Он определил понятие «истина» таким образом, что его невозможно стало применить к выражению, содержащему слово «истинный» в себе.

Для начала Тарский определил понятие «истинный» для объектного языка L при помощи правил составления так называемых предложений истины. Сами правила не так уж и важны. Все, что нам нужно знать, – как с их помощью генерировать предложения истины, не *используя при этом* понятие «истинности». Такие предложения выглядят следующим образом.

- «Фраза “Снег белый” истинна-в-языке- L » в том и только в том случае, если снег белый.
- «Фраза “Трава зеленая” истинна-в-языке- L » в том и только в том случае, если трава зеленая.

Иными словами, если вы хотите описать выражение «Снег белый», вы можете это сделать, добавив к утверждению дополнительное условие «истинно-в-языке- L ». Однако, говоря так, вы используете уже не язык L , а метаязык $L1$. Объектный язык называется так, потому что на нем мы говорим о предметах. Метаязык $L1$, в свою очередь, используется, чтобы говорить о предложениях объектного языка. Метаязык содержит выражения «истинно-в-языке- L » и «ложно-в-языке- L ». Кроме того, существует еще и метаметаязык, описывающий выражения на метаязыке. На нем вы можете сказать следующее: «Выражение “Фраза «Снег белый» истинна-в-языке- L ” истинно-в-языке- $L1$ ».

⁴ Альфред Тарский (1901–1983) – польско-американский математик, логик, основатель формальной теории истинности. *Прим. ред.*

Какой же язык нужно использовать, чтобы сказать «Это предложение неверно»? Такого языка нет. Существует истина-в-языке-L, истина-в-языке-L1, истина-в-языке-L2, но не абсолютная истина, из-за которой и возникает парадокс.

Те из читателей этой книги, которые любят решать головоломки, наверняка уже заметили нестыковку. Чтобы сформулировать проблему и описать свое решение, Расселу и Тарскому приходится нарушать собственные правила!

Представим, будто Рассел сказал нам: «Не нужно ставить вопрос следующим образом: “Является ли слово «самоописательный» самоописательным?” Такая фраза абсолютно бессмысленна. Лучше используйте мою теорию типов, в которой прилагательные имеют смысл только в том случае, когда мы правильно их применяем».

Но ведь то, что он сказал, противоречит его же правилам! Рассел заявил: «Вопрос, является ли слово “самоописательный” самоописательным, бессмыслен». Но ведь в нем есть смысл. Сам Рассел только что задал этот вопрос, и мы его поняли. Он не сказал: «Не нужно ставить вопрос следующим образом: “Оаывваывсфывсваыфват?” Такая фраза абсолютно бессмысленна». Подобное выражение было бы последовательным и непротиворечивым. Вместо этого Рассел сказал: «Не нужно ставить вопрос следующим образом: “Является ли слово «самоописательный» самоописательным?” Такая фраза абсолютно бессмысленна».

Очевидно, что это утверждение неверно. Вопрос «Является ли слово “самоописательный” самоописательным?» должен иметь определенный смысл, иначе между ним и вопросом «Оаывваывсфывсваыфват?» не было бы никакой разницы и мы не смогли бы рассуждать о нем, применяя описанную выше логику.

Это серьезная нестыковка! Но еще бóльшая проблема состоит в том, что ответ Рассела тоже нарушает его собственные правила: «Не используйте слова таким образом, чтобы они широко характеризовали всю окружающую реальность, но прилагайте их только к тому типу или уровню реальности, который им позволительно описывать». Чтобы описать, как следует использовать слова, он применяет понятие «слова», которое как раз таки широко характеризует всю окружающую реальность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.